Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-146-154
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

БОРНОСУЗ Максим Вадимович,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения, Москва,
e-mail: maximbornosuz@yandex.ru

СООТНОШЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОСТАВЩИКА ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

Аннотация. *Исследуется соотношение гражданско-правовой и публично-правовой ответственности поставщика цифровых финансовых услуг на примере операторов информационных систем и операторов обмена ЦФА. Разграничиваются возмещение убытков, восстановление исполнения, обратный выкуп, административное наказание и надзорные меры. Рассматриваются причинная связь, технологические риски и доступность доказательств. Зарубежные подходы сопоставляются по содержанию защищаемого интереса. Обосновывается согласованное применение механизмов без подмены их самостоятельных оснований и повторного возмещения одних и тех же потерь. Учитываются временные границы применения режима операторов обмена.*

Ключевые слова: *цифровые финансовые активы; поставщик цифровых финансовых услуг; гражданско-правовая ответственность; административная ответственность; надзор Банка России; возмещение убытков; MiCA.*

Для цитирования: *Борносуз М. В. Соотношение гражданско-правовой и публично-правовой ответственности поставщика цифровых финансовых услуг // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 146–154.*

BORNOSUZ Maxim Vadimovich,
PhD student at the Institute of Legislation and Comparative Law, Moscow

THE INTERRELATION OF CIVIL AND PUBLIC-LAW LIABILITY OF A DIGITAL FINANCIAL SERVICES PROVIDER

Annotation. *The article examines the relationship between civil and public-law liability of digital financial services providers, focusing on information system operators and digital financial asset exchange operators. It distinguishes damages, restoration of performance, mandatory repurchase, administrative penalties and supervisory measures. Causation, technological risks and access to evidence are analysed. Selected foreign approaches are compared by the interests they protect. Coordinated use of the mechanisms is proposed without merging their legal grounds or compensating the same loss twice. The analysis takes account of the transitional scope of the exchange operator regime.*

Key words: *digital financial assets; digital financial services provider; civil liability; administrative liability; Bank of Russia supervision; damages; MiCA.*

For citation: *Bornosuz M. V. The interrelation of civil and public-law liability of a digital financial services provider. Russian scientific bulletin. 2026;(11):146–154. (In Russ.).*

Введение

Нарушение при оказании цифровой финансовой услуги способно затронуть имущественный интерес пользователя и публичный интерес в надлежащем функционировании рынка. Однако не всякое нарушение одновременно влечёт взыскание убытков и административное наказание. Вмешательство регулятора, в свою очередь, не исключает самостоятельного требования клиента к поставщику. Необходимо установить, какую обязанность нарушил поставщик, перед кем он несёт ответственность и на какой результат направлена соответствующая мера.

В статье рассматриваются оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов (ОИС), и

оператор обмена цифровых финансовых активов (ОО ЦФА). Они исследуются как отдельные виды поставщиков цифровых финансовых услуг, а не как исчерпывающий круг таких лиц. Нормативную основу составляет Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (далее - Закон о ЦФА). Применение норм об ОО ЦФА ограничено переходным режимом, введённым Федеральным законом от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ. Как разъясняет Банк России, организации, включённые в реестр ОО ЦФА на 1 сентября 2026 г., вправе продолжать деятельность по указанному закону до 1 марта 2027 г. [17]. Выводы о режиме ОО ЦФА относятся к отношениям, к которым соответствующие положения сохраняют применимость.

О. В. Содель отмечает сочетание предпринимательского содержания деятельности операторов и её публично значимых функций [12, с. 86]. Сочетание этих функций ставит вопрос о пределах частноправовой и публично-правовой реакции на нарушение. Цель исследования - определить, как соотносятся гражданская ответственность, административное наказание и надзорное воздействие и какие условия позволяют применять их совместно. Используются формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Модельные ситуации не воспроизводят конкретные судебные дела; они позволяют проверить, какое значение для квалификации имеют свойства нарушения, последовательность событий и содержание требований пользователя.

Критерии разграничения правовых последствий

Для решения поставленного вопроса необходимо прежде разграничить само нарушение и предусмотренные законом последствия. Технологический сбой может сопровождаться неисполнением договора, нарушением правил системы и несоблюдением публичного требования. Эти характеристики не тождественны: вопрос о компенсации нельзя разрешить исключительно на основании того, соблюдал ли поставщик требования регулятора. Равным образом отсутствие доказанных убытков ещё не говорит о соблюдении всех требований к деятельности.

Правовые последствия предлагается сопоставлять по защищаемому интересу, основаниям применения и содержанию возлагаемой обязанности. Возмещение убытков восстанавливает имущественное положение потерпевшего, наказание выражает публичную реакцию на правонарушение, надзорная мера может требовать устранения недостатка или ограничения деятельности. При этом строгость меры сама по себе не определяет её правовую природу.

Особенно важно отличать гражданско-правовую ответственность от иных способов защиты. Требование исполнить обязательство в натуре направлено на получение первоначально причитающегося кредитору исполнения, а не на возложение дополнительного имущественного обременения. Возмещение убытков, напротив, связано с последствиями нарушения. Их объединение под общим обозначением ответственности затрудняет определение предмета требования и обстоятельств, подлежащих доказыванию. Поэтому в дальнейшем восстановление исполнения рассматривается отдельно от компенсации, даже когда обе обязанности возникают вследствие одного сбоя.

Условный пример показывает практическое значение разграничения. Система временно не принимала распоряжения, после чего оператор восстановил работу. Если конкретный пользователь не пытался совершить операцию и не понёс потерь, сам факт сбоя не обосновывает денежную компенсацию в его пользу. В то же время такой инцидент может требовать проверки соблюдения оператором обязательных правил. Если же распоряжение пользователя осталось неисполненным, восстановление общей работоспособности ещё не означает устранения индивидуального нарушения. Следовательно, надлежащее функционирование системы и исполнение обязательства перед конкретным пользователем требуют раздельной оценки.

Публичная ответственность исследуется прежде всего на примере административной, а гражданская - преимущественно применительно к возмещению убытков. Надзорное воздействие рассматривается отдельно: обременительная мера может иметь предупредительное или пресекательное назначение. Для её квалификации важны нормативное основание, цель и процедура. Это разграничение позволяет перейти к анализу конкретных требований пользователя, не смешивая их с мерами публичного контроля.

Гражданские требования к оператору информационной системы

Наиболее подробно основания таких требований закреплены для ОИС. Часть 1 ст. 9 Закона о ЦФА обязывает ОИС в соответствии с гражданским законодательством возмещать пользователям убытки вследствие утраты информации об объёме активов и их обладателях, технологического сбоя, предоставления недостоверной, неполной и (или) вводящей в заблуждение информации об информационной системе, правилах её работы и операторе, нарушения правил работы системы и её несоответствия закону [9]. Т. Э. Рождественская и А. Г. Гузнов связывают данную обязанность с ответственностью перед пользователями [10, с. 130]. Этот перечень конкретизирует нарушения, за последствия которых

отвечает оператор, но не возлагает на него обязанность компенсировать любое снижение стоимости актива.

Указанные основания должны применяться во взаимосвязи с общими правилами о возмещении убытков. Статьи 15 и 393 ГК РФ связывают возмещение с убытками, причинёнными нарушением, а полное возмещение должно поставить кредитора в положение, в котором он находился бы при надлежащем исполнении [3]. Следовательно, отправной точкой расчёта служит не наиболее выгодный для клиента исход операции, а обоснованная модель правомерного исполнения. Такой подход позволяет отделить потери, вызванные нарушением оператора, от дохода, который пользователь лишь рассчитывал получить при наиболее благоприятном развитии рынка.

Необходимо учитывать и основания ответственности. При отсутствии иного регулирования в законе или договоре п. 3 ст. 401 ГК РФ возлагает ответственность за нарушение при предпринимательской деятельности, если должник не докажет невозможность надлежащего исполнения вследствие непреодолимой силы [3]. Поэтому ссылка оператора на добросовестность сотрудников сама по себе не свидетельствует об отсутствии оснований ответственности. Сначала определяется применимый режим, включая специальные нормы и допустимые договорные условия, затем оцениваются возражения.

В этом контексте отдельно следует оценивать ссылку на внешнюю кибератаку: сам факт её совершения не предрешает вопроса об освобождении оператора от ответственности. Статья 401 ГК РФ требует чрезвычайности и непредотвратимости обстоятельств при данных условиях [3]. При разрешении такого спора это предполагает необходимость выяснить характер события, его влияние на возможность исполнения и организацию защиты. Название инцидента не заменяет такой оценки. Недостатки технической защиты не приобретают признаков непреодолимой силы только потому, что исполнение обязательства осуществляется в цифровой среде.

Наряду с возмещением убытков ч. 2 ст. 9 Закона о ЦФА требует совершить действия, реализующие волеизъявление пользователя, которому помешал сбой [9]. Тем самым закон разграничивает восстановление работы системы и реализацию конкретного волеизъявления пользователя: устранение общей неисправности и исполнение конкретного распоряжения не совпадают. Пользователь может быть заинтересован не только в денежной компенсации, но и в восстановлении предусмотренного порядка осуществления права. Вместе с тем позднейшее исполнение не всегда устраняет все имущественные последствия задержки. Вопрос о сохраняющихся потерях требует самостоятельной оценки, а не формального вывода о полном восстановлении положения клиента.

Оператор обмена и специальное требование об обратном выкупе

Объём обязанностей ОО ЦФА обусловлен иной функцией - обеспечением заключения сделок. Различия между обязанностями двух видов операторов отмечает О. В. Содель [12, с. 149]. Отсутствие для оператора обмена перечня, аналогичного ст. 9 Закона о ЦФА, нельзя понимать как отсутствие гражданской ответственности вообще. Для отношений, подпадающих под рассматриваемый режим, сохраняется необходимость квалифицировать принятые обязательства и последствия их нарушения. Таким образом, отсутствие специального перечня нарушений не исключает применения общих правил обязательственного права.

Самостоятельный механизм предусмотрен ч. 16 ст. 10 Закона о ЦФА. При приобретении через оператора обмена ЦФА, отвечающих признакам, определённым Банком России в соответствии с ч. 9 ст. 4 Закона о ЦФА, с нарушением установленных ограничений лицом, не являющимся квалифицированным инвестором, включая неправомерное признание его таковым, оператор обмена обязан по требованию приобретателя выкупить активы за свой счёт и возместить понесённые расходы [9]. При превышении установленного предела последствие относится только к активам, приобретённым сверх него. Норма также содержит исключения для признания квалифицированным инвестором на основании представленной им недостоверной информации и для приобретения активов иностранными физическими и юридическими лицами [9].

Иск о применении указанного последствия может быть предъявлен в течение одного года с даты приобретения соответствующих активов [9]. Это срок для предъявления иска, а не разрешённый оператору период отсрочки выкупа. Аналогичная специальная конструкция для ОИС предусмотрена ч. 7 ст. 6 Закона о ЦФА [9]. При применении таких правил необходимо проверять все условия конкретной нормы, а не распространять защитное последствие на любое вложение, которое оказалось неудачным. Регуляторное ограничение приобретения и экономическая целесообразность инвестиции решают разные задачи.

В отличие от общего требования о возмещении убытков, обратный выкуп представляет собой специальное имущественное последствие нарушения правил приобретения ЦФА. Он возникает вследствие нарушения правил доступа к определённым активам, но реализуется через имуще-

ственное требование приобретателя. Его нельзя свести к административному наказанию: адресатом исполнения выступает частное лицо. Его нельзя и отождествлять с обычным требованием о возмещении убытков: закон устанавливает самостоятельный предмет требования и специальные условия его предъявления. Поэтому обратный выкуп рассматривается здесь как самостоятельный способ защиты, посредством которого нарушение публичного ограничения приобретения активов влечёт восстановительное последствие в пользу частного лица.

Такой механизм не делает оператора гарантом стоимости актива. Выкуп связан с нарушением предусмотренных законом условий приобретения, а не с падением цены, что позволяет отличить нарушение от инвестиционного риска правомерной операции. Одновременно специальное требование не должно вести к двойному возмещению потерь. Дополнительные требования необходимо сопоставлять с уже восстановленным имущественным интересом.

Убытки, причинная связь и доступ к доказательствам

Если же пользователь требует возмещения убытков, недостаточно установить нарушение условий приобретения или факт технического сбоя. Основная трудность такого спора нередко заключается не в обнаружении неисправности, а в объяснении того, каким образом она изменила имущественное положение пользователя. На размер и возникновение потерь могут влиять решения клиента, действия эмитента, изменение рыночной цены и последующее поведение оператора. Простое совпадение этих событий по времени не раскрывает причинной связи. Поэтому анализ целесообразно вести от конкретной обязанности: что должно было произойти при её исполнении и чем фактический ход событий отличается от этого результата.

Допустим, клиент утверждает, что из-за сбоя не продал актив по более высокой цене. Для оценки требования важно установить содержание и время распоряжения, возможность его исполнения на заявленных условиях и последствия задержки. Одного графика цены недостаточно, поскольку наличие определённой котировки не подтверждает само по себе возможность совершить соответствующую сделку. Но и отсутствие завершённой продажи не опровергает требование автоматически: несостоявшееся исполнение как раз может быть следствием нарушения, на которое ссылается пользователь.

Правила об упущенной выгоде также нельзя подменять предположением о любой доходности, которую позволяла получить ситуация на рынке. Пункт 4 ст. 393 ГК РФ предусматривает учёт предпринятых кредитором мер и приготовлений, а п. 5 требует установления размера убытков с разумной степенью достоверности [3]. Последний одновременно не допускает отказа только потому, что размер не может быть установлен с такой степенью достоверности: его определяет суд с учётом обстоятельств, справедливости и соразмерности [3]. Неопределённость суммы и отсутствие самого основания требования являются разными проблемами.

Доказывание этих обстоятельств осложняется неравным доступом сторон к информации. Оператор может располагать журналом обработки распоряжений и техническими сведениями, тогда как пользователь видит лишь сообщение интерфейса. Из этого не следует автоматическое изменение правил доказывания, но возникает вопрос о практической доступности защиты. Договорные процедуры сохранения подтверждений получения распоряжения, фиксации времени и уведомления о сбое помогают установить обстоятельства спора. Здесь защита строится не на заранее заданном предпочтении версии клиента, а на возможности восстановить события.

Помимо установления обстоятельств сбоя необходимо определить, на кого возлагаются его последствия, если оператор привлёк технического подрядчика. По ст. 403 ГК РФ должник отвечает за неисполнение лицами, которым поручено исполнение, если законом не установлена ответственность непосредственного исполнителя [3]. Поэтому оператору недостаточно сообщить клиенту, что неисправность возникла на стороне иной организации. Необходимо выяснить, было ли ей возложено исполнение обязательства оператора и как закон распределяет ответственность. Техническое происхождение ошибки и юридическая принадлежность риска могут не совпадать.

Из рассмотренных трудностей следует необходимость закрепления процедур, позволяющих пользователю получить и сохранить доказательства исполнения. В частности, целесообразно предусмотреть подтверждение приёма распоряжения и фиксацию содержания и времени уведомления о сбое. Это не создаёт ответственности без нарушения, но уменьшает разрыв между закреплённым правом и возможностью обосновать требование без исследования всей архитектуры платформы.

Надзорное воздействие и административное наказание

Однако индивидуальная защита пользователя не исчерпывает правовых последствий нарушения. Надзор Банка России за соответствующими операторами предусмотрен Законом о ЦФА; полномочия регулятора в отношении некредит-

ных финансовых организаций закреплены также в ст. 76.1 и 76.5 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ [8; 9]. При квалификации конкретной меры существенны статус адресата и применимый к нему режим. Предписание устранить нарушение, ограничение деятельности и исключение из реестра нельзя без дополнительного анализа объединять с административным штрафом. Общая неблагоприятность этих последствий не делает одинаковыми их нормативные основания.

Надзор не ограничивается реакцией на индивидуальные потери. Ожидание доказанных убытков каждого пользователя может лишить вмешательство предупредительного смысла. Поэтому отсутствие гражданского взыскания ещё не опровергает необходимость надзорной реакции. Вместе с тем предупредительная задача не означает неограниченности полномочий: допустимость меры определяется её правовым основанием и условиями, а не только общественной полезностью.

Различие функций проявляется при прекращении деятельности ОИС. Часть 10 ст. 7 Закона о ЦФА требует после исключения оператора из реестра передачи сводной информации другому оператору. Часть 11 связывает добровольное исключение с полным исполнением обязательств лицами, выпустившими активы, перед их обладателями [9]. Во втором случае речь идёт об обязательствах эмитентов, а не об исполнении всех обязанностей самим оператором. Эти нормы направлены на сохранение прав пользователей при изменении положения инфраструктуры; их нельзя читать как готовый состав гражданского правонарушения.

В отличие от перечисленных надзорных мер, административное наказание предполагает установление состава административного правонарушения. А. В. Токолов в исследовании 2022 г. ставил вопрос о недостаточной определённости специальных мер ответственности в сфере цифровых активов [13, с. 169–170]. Это наблюдение отражает состояние обсуждения соответствующего периода и не заменяет анализа применимой нормы. В частности, вопросы невыполнения предписания Банка России или нарушения порядка представления ему информации оцениваются с учётом ч. 9 ст. 19.5 и ст. 19.7.3 КоАП РФ с проверкой субъектного состава, содержания обязанности и предусмотренных законом исключений [7]. Не всякое ненадлежащее исполнение договора образует такое правонарушение.

Самостоятельность оснований административной ответственности сохраняется и после устранения нарушения. Если оператор устранил сбой и удовлетворил обоснованное требование клиента, это не позволяет автоматически сделать вывод об отсутствии ранее совершённого административного нарушения. Обратная ситуация также возможна: наказание за нарушение отчётной обязанности не доказывает причинения конкретному пользователю имущественного ущерба. В каждом случае необходимо установить, какие факты существенны для соответствующего последствия. Таким образом, устранение нарушения, назначение наказания и возмещение потерь решают разные задачи; это различие определяет и порядок взаимодействия соответствующих производств.

Связь производств и пределы совмещения требований

Возможность такого взаимодействия прямо предусмотрена ст. 4.7 КоАП РФ, допускающей сочетание административного наказания и возмещения имущественного ущерба. При отсутствии спора судья вправе разрешить вопрос об имущественном ущербе одновременно с назначением наказания; спор подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства [7]. Следовательно, утверждение о безусловной альтернативности публичного и частного способов защиты не согласуется с самим законом. Но из возможности сочетания не следует обязательное применение всех мер при каждом нарушении: для каждой сохраняются собственные условия.

Обращение к регулятору может привести к проверке и устранению нарушения, но не освобождает клиента от необходимости определить предмет иска и обосновать размер потерь. В свою очередь, взыскание в пользу одного пользователя не решает всех вопросов работы системы. Разделение процедур оправданно различием задач. Практическое затруднение возникает, когда необходимые сведения оказываются недоступны в другой процедуре и потерпевший вынужден повторно устанавливать те же обстоятельства.

Материалы надзорной проверки могут объяснять сбой, но сами по себе не подтверждают совокупность обстоятельств, необходимых для удовлетворения гражданского требования. Нарушение технического стандарта ещё не определяет размер упущенной выгоды, а соблюдение отчётности не подтверждает исполнения каждого распоряжения. Значение конкретного акта в другом производстве требует отдельной процессуальной оценки. Материалы проверки следует оценивать с учётом применимых процессуальных правил, а не придавать им заранее установленное значение для исхода гражданского спора.

Совмещение требований также имеет внутренние пределы. Пункт 1 ст. 393 ГК РФ сохраняет возможность взыскания убытков при использовании иных способов защиты, если иное не уста-

новлено законом [3]. При этом компенсационная задача требует учитывать уже полученное восстановление. Если одна и та же потеря покрыта исполнением специального требования, её повторное взыскание в составе убытков противоречило бы восстановительной цели защиты. Иначе взаимодействие способов защиты приведёт не к восстановлению, а к улучшению положения за счёт повторного возмещения одного интереса.

Пределы взаимодействия частноправовой защиты и публичных требований зависят также от вида цифрового объекта. Поэтому отношения по поводу ЦФА необходимо отличать от оборота цифровой валюты. Л. Г. Ефимова в работе 2024 г. рассматривала зависимость судебной защиты владельца цифровой валюты от выполнения публичной обязанности [5, с. 35]. При использовании этого положения следует учитывать Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П: применительно к лицам, получившим цифровую валюту способами, не связанными с майнингом, Суд исключил препятствие для защиты имущественных требований при представлении сведений о законности получения и использования такой валюты в пределах сформулированной им правовой позиции [18]. Следовательно, выводы, основанные на прежнем применении ч. 6 ст. 14 Закона о ЦФА, нуждаются в этой оговорке. Как отмечает А. А. Ситник, у децентрализованной цифровой валюты нет обязанного перед держателями лица [11, с. 109]. Речь идёт об отсутствии лица, обязанного по самой конструкции валюты, а не об исключении договорных обязанностей посредника. В отношениях по поводу ЦФА, напротив, необходимо раздельно устанавливать обязанности лица, выпустившего активы, и обслуживающего оператора.

Зарубежные подходы и границы заимствования

Разграничение объектов и функций посредников необходимо сохранить и при обращении к зарубежному опыту. Е. В. Зайнутдинова разграничивает запретительную, частично запретительную, разрешительную и дозволительную модели оборота цифровых прав и цифровой валюты [6, с. 149–150]. Для исследования ответственности подобная классификация является исходной, но недостаточной. Она характеризует допустимость деятельности, а не определяет, кто возмещает конкретную потерю. Даже близкие модели допуска могут по-разному распределять риск между клиентом, поставщиком и иными участниками. Поэтому сравнительный анализ должен включать не только условия выхода на рынок, но и содержание частного требования.

Сингапурский Payment Services Act 2019 предусматривает несколько видов лицензий [15]. В исследовании 2020 г. А. П. Алексеенко выделяет требования к отчётности, управлению и контролю рисков отмывания денег [1, с. 104–105]. Эти положения характеризуют организационную сторону регулирования; изложение в статье 2020 г. не следует использовать как подтверждение неизменности всех действующих требований. Но обязанность руководства выстроить контроль нельзя без специального основания превращать в личную гражданскую ответственность руководителя перед любым клиентом. Для такого перехода нужно объяснить юридическую связь между его поведением, нарушенным правом и заявленной потерей.

Регламент MiCA предусматривает авторизацию поставщиков, а также оказание услуг определёнными финансовыми организациями в порядке ст. 60 [16, ст. 59]. Для сравнения особенно значима ст. 75(8): поставщик услуг хранения отвечает за утрату криптоактивов или средств доступа вследствие инцидента, за который он несёт ответственность, причём ответственность ограничена рыночной стоимостью утраченных активов на момент утраты [16]. При этом норма позволяет поставщику доказать, что событие произошло независимо от оказания услуги или его деятельности, в частности вследствие проблемы функционирования распределённого реестра, который он не контролирует [16, ст. 75(8)]. Таким образом, законодатель связывает конкретную услугу, основание ответственности и предел имущественного требования. Замечания Я. Даудрих о трудностях международного взаимодействия относятся к анализу проекта MiCA и не должны подменять оценку принятой нормы [4, с. 259].

Для российского обсуждения полезна прежде всего определённость такой связи, а не механическое копирование стоимостного предела. Хранение криптоактивов и организация системы выпуска ЦФА не тождественны по содержанию. Перенос предела ответственности без сопоставления обязанностей и распределения рисков может привести к необоснованному снижению уровня защиты пользователя. Прежде чем заимствовать решение, необходимо установить совпадение обслуживающей функции, объекта риска и основания требования. Сходство цифровой формы операций для этого недостаточно.

А. П. Алексеенко, рассматривая в том числе Каймановы острова, выделяет лицензирование, локализацию поставщиков и специальные меры ответственности [2, с. 29]. Британский Financial Services and Markets Act 2023 также показывает необходимость разграничивать допуск к деятельности и имущественные последствия нарушения. Его раздел 8 вводит в Financial Services and Markets Act 2000 положения о designated activities:

ст. 71K(7) допускает включение криптоактивов в соответствующий режим, а ст. 71P отдельно предусматривает полномочие устанавливать правила об ответственности и компенсации [14]. Само нарушение регуляторного требования в этой конструкции не порождает автоматически иск о нарушении установленной законом обязанности. Однако разнообразие надзорных инструментов не доказывает наличия единой модели возмещения потерь. Зарубежный опыт позволяет поставить вопросы о распределении риска, но не даёт универсального решения.

Направления совершенствования защиты

Сопоставление российских и зарубежных норм позволяет определить направления совершенствования защиты. Прежде всего, расширение перечня санкций само по себе не устраняет затруднений пользователя. Если нельзя установить содержание обязанности, получить подтверждение распоряжения или связать потерю с нарушением, более высокий штраф не решает проблему гражданского требования. Поэтому первоочередное значение имеет уточнение того, какие действия поставщик должен совершать при приёме распоряжения, выявлении и устранении сбоя и восстановлении исполнения. Такое уточнение должно соотноситься со специальным статусом и видом услуги, а не вытекать из одного лишь использования цифровой технологии.

Реализация этих предложений требует учитывать временные и субъектные границы действующего регулирования, особенно в переходном режиме ОО ЦФА. Изменение порядка допуска само по себе не отвечает на вопрос о правилах для ранее возникшего обязательства и последующего нарушения. При анализе ранее возникших обязательств необходимо отдельно определить действие соответствующих норм во времени; переходный порядок допуска не позволяет автоматически распространить прежний режим на новые модели обращения активов. Наряду с уточнением обязанностей поставщика целесообразно согласовать восстановительные и надзорные процедуры, сохранив их самостоятельность. Информация о характере нарушения должна помогать разрешению индивидуального спора, но не заменять расчёт убытков и проверку основания требования. Исполнение перед пользователем необходимо учитывать при оценке сохраняющихся имущественных последствий, не превращая его в автоматическое освобождение от публичной ответственности. Такая модель связывает защиту клиента и надлежащее устройство рынка, сохраняя юридические границы обоих направлений.

Заключение

Гражданская и публично-правовая ответственность поставщика цифровых финансовых услуг не образуют ни безусловной альтернативы, ни обязательного набора последствий любого нарушения. Их соотношение определяется содержанием обязанности, защищаемым интересом и условиями применимой нормы. Надзорное воздействие при этом требует самостоятельной квалификации: неблагоприятность меры для оператора ещё не делает ее административным наказанием.

Проведённый анализ позволяет разграничить восстановление исполнения, специальное требование об обратном выкупе и возмещение убытков по их основаниям и предмету. Установление сбоя не заменяет анализа причинной связи, а оценка риска не устраняет законных оснований ответственности. Согласованность механизмов предполагает проверяемость исполнения, доступность значимых сведений и исключение повторной компенсации. Такое взаимодействие обеспечивает индивидуальную защиту пользователя и публичный контроль за деятельностью поставщика без подмены одного механизма другим.

Список литературы:

[1] Алексеенко А. П. Требования к поставщику платежных услуг по законодательству Сингапура // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2020. Т. 12. № 3. С. 100–109. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2020-3/100-109..

[2] Алексеенко А. П. Источники регулирования деятельности поставщиков услуг платформ цифровых активов в России и за рубежом // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18. № 2. С. 23–32. DOI: 10.25205/2542-0410-2022-18-2-23-32..

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Статьи 15, 393, 401, 403. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/c1cbc60ba2b77d2acc7884f02c80b239e0a5e810 (дата обращения: 15.10.2026).

[4] Даудрих Я. Правовой статус эмитентов криптоактивов с точки зрения проекта регламента MiCA // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 2. С. 244–263.

[5] Ефимова Л. Г. Категория «цифровое имущество» в контексте доктринальных споров // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 9 (121). С. 25–39. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.121.9.025-039..

[6] Зайнутдинова Е. В. Модели правового регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 4. С. 149–182. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.4.149.182..

[7] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. Статьи

4.7, 19.5 (ч. 9), 19.7.3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d615ef5097a58772009ed74675fd9e8fcd4b0ed2/ (дата обращения: 15.10.2026).

[8] О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федер. закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790. Статьи 76.1, 76.5. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 15.10.2026).

[9] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018. Статьи 6, 7, 9, 10, 14. При применении ст. 10 учитываются переходные положения Федерального закона от 04.08.2026 № 282-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/36278bdacdb873c4b4ee8fedc0988e388a4ebe0a (дата обращения: 15.10.2026).

[10] Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Особенность правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 9 (85). С. 124–134.

[11] Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11. С. 103–113. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.103-113..

[12] Содель О. В. Финансово-правовое регулирование обращения цифровых финансовых активов: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2025. 214 с. URL: http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/23-04-2025-1d.pdf (дата обращения: 15.10.2026).

[13] Токолов А. В. Правовое регулирование информационных отношений в сфере оборота цифровых финансовых активов: дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. 215 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011273340/ (дата обращения: 15.10.2026).

[14] Financial Services and Markets Act 2023 (c. 29). URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/29 (дата обращения: 15.10.2026).

[15] Payment Services Act 2019 (Act No. 2 of 2019). URL: https://sso.agc.gov.sg/act/psa2019 (дата обращения: 15.10.2026).

[16] Regulation (EU) 2023/1114 on markets in crypto-assets // OJ L 150, 09.06.2023. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj (дата обращения: 15.10.2026).

[17] Банк России. Операторы обмена цифровых финансовых активов. Обновлено 01.09.2026. URL: https://www.cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/ootsfa/ (дата обращения: 15.10.2026).

[18] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П по делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Д. И. Тимченко. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202601210002 (дата обращения: 15.10.2026).

References:

[1] Alekseenko A.P. Requirements for Payment Service Provider under Singapore Law // Territory of New Opportunities. VSUES Bulletin. 2020. VOL. 12. № 3. S. 100-109. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2020-3/100-109..

[2] Alekseenko A.P. Sources of regulation of the activities of service providers of digital assets platforms in Russia and abroad // Legal science and practice. 2022. T. 18. № 2. S. 23-32. DOI: 10.25205/2542-0410-2022-18-2-23-32..

[3] Civil Code of the Russian Federation (part one): feder. Law of 30.11.1994 No. 51-FZ // NW RF. 1994. № 32. Art. 3301. Articles 15, 393, 401, 403. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/c1cbc60ba2b77d2acc7884f02c80b239e0a5e810 (access date: 15.10.2026).

[4] Daudrich Y. Legal status of issuers of cryptoassets from the point of view of the draft MiCA regulation // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. VOL. 15. № 2. S. 244-263.

[5] Efimova L. G. Category "digital property" in the context of doctrinal disputes // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA). 2024. № 9 (121). S. 25-39. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.121.9.025-039..

[6] Zainutdinova E.V. Models of legal regulation of the turnover of digital rights and digital currency // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023. T. 16. № 4. S. 149-182. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.4.149.182..

[7] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ // CZ of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1. Articles 4.7, 19.5 (part 9), 19.7.3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d615ef5097a58772009ed74675fd9e8fcd4b0ed2/ (date of reference: 15.10.2026).

[8] About the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): feder. Law of 10.07.2002 No. 86-FZ // NW RF. 2002. № 28. Art. 2790. Articles 76.1, 76.5. URL: https://www.consultant.

ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (accessed on: 15.10.2026).

[9] On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federation. Law of 31.07.2020 No. 259-FZ // NW RF. 2020. No. 31 (part 1). Art. 5018. Articles 6, 7, 9, 10, 14. When applying Art. 10, the transitional provisions of the Federal Law of 04.08.2026 No. 282-FZ are taken into account. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/36278bdacdb873c4b4ee8fedc0988e388a4ebe0a (access date: 15.10.2026).

[10] Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G. Peculiarity of the legal status of the operator of the information system in which digital financial assets are issued and the operator of the exchange of digital financial assets as organizations providing digital financial technologies // Bulletin of O. E. Kutafin University (MSLA). 2021. № 9 (85). S. 124-134.

[11] Sitnik A. A. Digital currencies: problems of legal regulation // Actual problems of Russian law. 2020. VOL. 15. № 11. S. 103-113. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.103-113..

[12] Sodel O. V. Financial and legal regulation of circulation of digital financial assets: dis.... cand. jurid. sciences. Saratov, 2025. 214 p. URL: http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/23-04-2025-1d.pdf (Accessed: 15.10.2026).

[13] Tokolov A. V. Legal regulation of information relations in the sphere of turnover of digital financial assets: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2022. 215 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011273340/ (Accessed: 15.10.2026).

[14] Financial Services and Markets Act 2023 (c. 29). URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/29 (access date: 15.10.2026).

[15] Payment Services Act 2019 (Act No. 2 of 2019). URL: https://sso.agc.gov.sg/act/psa2019 (access date: 15.10.2026).

[16] Regulation (EU) 2023/1114 on markets in crypto-assets // OJ L 150, 09.06.2023. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj (accessed on: 15.10.2026).

[17] Bank of Russia. Digital financial asset exchange operators. Updated 01.09.2026. URL: https://www.cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/ootsfa/ (Accessed on: 15.10.2026).

[18] The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.01.2026 No. 2-P in the case on checking the constitutionality of part 6 of Article 14 of the Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen D. I. Timchenko. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202601210002 (access date: 15.10.2026).

